

А. Луначарский

Самоубийство и философия

Оригинал здесь -- <http://www.magister.msk.ru/library/politica/lunachar/lunaa009.htm>

Предисловие

Настоящая статья написана в 1907 году для сборника "Самоубийство".

Послереволюционная реакция умножила число самоубийств, это вызвало тревогу и дало толчек к созданию сборника. Мысли, выраженные в статье, можно не без пользы повторить теперь, поэтому я согласился напечатать ее в настоящем альманахе.

Но недавно я опубликовал в "Красной Газете" новую статью "Несколько мыслей о самоубийстве" вполне современную. Я просил поэтому редакцию альманаха поместить рядом со статьей 1907 г. и эту новую статью.

Они совпадают в корне, но дополняют друг друга.

А. Луначарский

Поведение людей весьма редко определяется целиком философскими соображениями и мирозерцанием. Уже Фихте отметил, что скорее отдельные лица, - мы скажем то же о группах и классах, - выбирают себе по плечу и по характеру философскую систему, чем эта последняя определяет характер и линию действия лица или группы. Но не только уступчива философия в том смысле, что каждый молодец найдет в ее безмерно богатом мире истину по своему образцу, но и раз выбранная, даже в тех случаях, когда хозяин холит и нежит ее, разрабатывает и ценит, она не обладает достаточно громким голосом в совете человеческих мотивов, где выносятся активные решения и планы, где даются директивы исполнительнице-воле.

Кто только не повторял, что поступки людские определяются чувствами, интересами, а не абстрактными идеями?

Однако, и эту истину приходится принять с известным ограничением. Свое значение философские убеждения все же имеют. И тем более может быть, что философию каждый выбирает или вырабатывает сообразно своему характеру, своей судьбе, своему социальному положению, своей эпохе.

Бутти сделал недавно попытку в своей драме "Castello del Sogno" ("Замок сна") изобразить в форме личных столкновений символических персонажей внутренние конфликты человеческой души. Интересная попытка, которая вероятно найдет подражателей.

Вступая на минуту на путь, указанный миланским поэтом мы представляем себе философию, как благородную кастеляншу из дальних, очень дальних северных стран. Она величественна, но бледна, почти бескровна. Она говорит категорично и повелительно, но на мало знакомом языке, и ее не очень-то слушают.

Ее окружают знаками почета и выводят из внутренних покоев по-королевски одетой, когда надо пышно принять чужих послов. Этим последним она кажется настоящей госпожей замка. Но на самом деле господами являются те смуглые, полнокровные, суетливые обитатели, которые шумно гомонят на своих сходках, готовы иной раз схватиться за ножи и выносят часто противоречивые решения.

Тем не менее нездешние песни, раздающиеся из высокой башни кастелянши, ее странные рассказы, ее непреклонные, хотя и неисполняемые веления живут тут же рядом и не являются вполне чужими. Ведь хозяева замка в своей молодости кружили по миру, прежде чем нашли себе красавицу по нраву.

В торжественные, трагические моменты, когда жизнь соприкасается со смертью, когда замок осажден со всех сторон злыми силами, когда переливают на пули свинцовые жолоба, в большой зале, залитой кровью, немолчно стонут раненые когда голод смотрит с бледных лиц, а в окна грозно хохочет дикое зарево, - в такие дни кастелянша величественно сходит из своего терема и к ее поучениям все пригнетенные силы прислушиваются с небывалым вниманием. И, может быть, она, дочь воинственных народов, подобная Кримгильде, в плаще своих северных волос, посылая холодные молнии глазами героини, призовет всех к последнему усилию и научит самую жизнь считать за ничто, когда она не украшена сознанием победы духа, или куплена ценою его унижения; может быть, самую смерть с оружием в руках она превратит в роскошный праздник человеческой гордости; может быть, этой